

1872 год

по предложению великого князя, а последний — по выбору Шувалова и проч. Назначение новых членов, кажется, не понравится реакционной партии, которая не желала бы иметь в Государственном совете членов живых. Мое положение все еще остается неопределенным, и едва ли оно определится к Новому году. Зеленый возвращается из-за границы на днях в том же болезненном положении, в каком выезжал. Seriously вступить в управление министерством ему будет невозможно, но, по-видимому, он не желает просить увольнения, а, вероятно, попробует заниматься, ибо хочет кончить и направить некоторые дела. В последнее время меня как-то перестали называть его преемником, и в общем мнении все более и более утверждается моя кандидатура. Я сам начинаю думать, что шансы мои довольно велики, и едва ли удастся противникам моего назначения провести своего кандидата. Государь, видимо, лично ко мне расположен, во все время моего управления министерством не было повода к неудовольствию, и миновать меня в предстоящем назначении едва ли он решится без каких-либо уважительных причин. Всего вероятнее, настоящее положение продлится до Пасхи. Зеленый все это время будет рапортоваться больным. Я буду управлять министерством и к Пасхе буду назначен, а Зеленый уедет за границу. Впрочем, это только одни мои предположения — дело разъяснится на днях по возвращении Зеленого. Послезавтра, в понедельник, будет докладываться в Государственном совете государственная роспись. В первый раз после долгого времени, а может быть, вообще в первый раз, ибо прежде правильность росписи не составлялась, она заключается не только без дефицита, но с некоторым остатком, несмотря на экстраординарные расходы, в смету расходов уже внесенных. Это весьма утешительное явление, в особенности знаменательно возрастание дохода от косвенных налогов. Недавно явилась ко мне депутация от прежних моих сослуживцев в Таможенном ведомстве и поднесла мне одну стипендию в память моего управления Таможенным ведомством. Очень меня порадовало это внимание и память людей, уже от меня не зависящих, — тем более, что я со своей стороны ничего не сделал, чтобы вызвать подобное сочувствие. Сегодня уже напечатано известие в газетах об этой стипендии.

Третьего дня воротился Зеленый, на вид ему как будто лучше, но все почти признаки параличного состояния остались почти те же самые. Он сам чувствует, что заниматься не может, поэтому вчера, представляясь государю, решительно объявил ему, что вступить в управление министерством не может, но желает оставаться некоторое время в звании министра, чтобы окончить некоторые дела. Государь на это согласился, приказав мне продолжать управлять министерством. Поэтому положение мое продолжает оставаться неопределенным. Это продолжится, вероятно, до весны.

1872 год

19-го февраля. Сегодняшний день, канун великого дня освобождения крестьян, омрачен был воспоминанием об утрате главного деятеля по этому вопросу. На днях скончался в Москве Николай Алексеевич Милютин. Хотя

политическая деятельность его давно кончилась, ибо последние годы он, разбитый параличом, жил за границей и не мог принимать никакого участия в делах, но тем не менее друзья его искренно оплакивали его кончину. На досуге запишу свои воспоминания об этой замечательной личности, с которой я находился больше 25-ти лет в самых близких и дружественных отношениях. Мы в одно время были в Московском дворянском институте⁶³, он был в высшем классе, я — в среднем. Потом судьба нас свела в Петербурге на служебном поприще, и хотя мы служили в разных ведомствах, но часто виделись и вначале сильно расходились в убеждениях, ибо он принадлежал к партии крайних западников, я же всегда был в лагере противников. Впоследствии Милютин сильно переменялся и явился деятелем, которому нельзя было не сочувствовать. Мои воспоминания о нем могут быть хорошим материалом для биографии. Сегодня в обычном обеде кружка людей, участвовавших в реформе, будут о нем вспоминать по всей России. Я на обеде этом не был по следующей причине.

Третьего дня является ко мне директор здешнего Земледельческого института и объявляет, что утром того же дня сторож, приставленный к актовому залу института, заметил, что висевший в зале большой портрет государя в нескольких местах изрезан, кем и когда было сделано это безобразие — совершенно неизвестно, но, вероятно, сделано или поздно вечером, или ночью, что до сих пор еще все розыски виновного не привели ни к какому результату, но что есть надежда, что при общем желании всех студентов виновник найдется. Так как никто не указывал на какую-нибудь попытку манифестации, то я не дал никакого особого значения этому делу, полагая, что какой-нибудь негодяй в пьяном виде совершил это бесчинство. Но не менее того, я приказал директору немедленно произвести самое строгое расследование. Между тем, зная, как скоро все подобные мерзости доводятся до сведения государя, я писал директору Департамента сельского хозяйства и графу Шувалову, чтобы просить его <не> докладывать государю об этом происшествии до следующего дня, не узнав еще ничего в подробности и надеясь, что к тому времени все разъяснится. Но вместо того вечером того же дня Шувалов послал государю записку с объявлением о случившемся. Не знаю, что было написано в записке, но, вероятно, все дело было представлено в виде манифестации, ибо вчера утром в 9 часов получил я от государя через фельдгегеря приказание явиться к нему в 11 часов утра.

В назначенный час прибыл я в Зимний дворец. Государь сейчас же меня принял в присутствии наследника и весьма грозным и недовольным тоном стал упрекать за новые беспорядки в институте, доказывающие его скверный дух, и что надо принять самые решительные меры. Я старался успокоить государя, доказывая, что обстоятельства, при которых сделано это бесчинство, и самый разрез портрета в ногах убеждает меня в том, что это дело или пьяного, или сумасшедшего человека и что, вероятно, скоро все раскроется, ибо производится самое строгое исследование. Государь отпустил меня, выразив свое недовольство. Видимо, он был настроен видеть в этом деле новую против себя манифестацию. На другой же день, т. е. сегодня, все дело объяснилось. Оказалось, что несовершеннолетний сын институтского священника, выгнанный из

гимназии, негодяй, в пьяном виде, вечером, проходя через залу к какому-то студенту, сам не понимая, что делает, разрезал портрет, потом буянил на лестнице и в пьяном виде был выведен из института. Сегодня во всем, в присутствии отца, сознался, будучи уличен сторожем. Получив подробное донесение, я поехал об этом донести государю, но не застал его дома и послал письменное донесение, передав дальнейшее производство следствия графу Шувалову.

Этот эпизод может служить примером, как систематически поддерживают государя в страхе всяких манифестаций. Всякую мерзость в сыром виде, не разобрав и не выяснив ее, доводят немедленно до сведения, и в этом отношении три лица⁶⁴, один перед другим, хлопочут о том, кто скорее донесет. Трепов боится, чтобы Шувалов не предупредил его, а Тимашев боится обоих. В этом соперничестве доносчиков заключается вся их деятельность. Понятно, что, получая из трех источников доносы ежедневно о всяких мерзостях, государь, кроме этих мерзостей, ничего не знает и под впечатлением их судит об общественном мнении России. Ни один утешительный факт не доходит до ушей его. Чтобы вынести подобный режим, нужны страшные нервы. К тому же отдельные мелочные эти факты суживают взгляды и понятия. Можно ли при этом спокойно и правильно заниматься государственными вопросами?.. Конечно, нет. Вот почему и все вопросы государственные рассматриваются и представляются ему с полицейской точки зрения. Идет ли речь об общественном образовании — о выборе классического или реального образования, обе стороны бьют, главное, на то, чтобы доказать, что противное мнение опасно в политическом отношении. Зайдет ли речь о печати — тут о полезной стороне дела никто и заикнуться не смеет. Как выгодно подобное настроение государя для людей бездарных и властолюбивых! Ничтожные полицейские меры всегда наготове у этих людей для разрешения самых трудных задач управления. Вместе с тем, когда человек доведен до страха за личное свое существование, то невольно безусловно доверятся людям, в которых видит своих единственных и верных хранителей. На этом пути трудно остановиться.

Я думаю, что не далее, как в текущем году, мы увидим в лице Шувалова нового Аракчеева⁶⁵. Мое положение продолжает быть неопределенным — я управляю министерством совершенно самостоятельно. Каждый понедельник бываю с докладом у государя. Он, по обыкновению, милостив, но ни единым словом, ни намеком не дает мне знать, что с уходом Зеленого я займу его место.

23-го февраля. Сегодня напечатана сказанная Заблоцким на обеде в память Милютина речь — она всем друзьям его очень понравилась.

Теперь же все общество занято приготовлением к великопостному маскараду, который должен быть дан на этой неделе во дворце по случаю приезда королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, но императрица так серьезно заболела, что, по всей вероятности, маскарад этот не состоится и все издержки на костюмы пропадут даром. У императрицы, говорят, воспаление легких, и она очень слаба. На совет, говорят, призывали Боткина, и он, говорят, решил, что императрице надо немедленно выехать из Петербурга, и советуется ехать в Крым.

13-го марта. Императрицу увезли в Крым в слабом состоянии, хотя перед отъездом ей было лучше. На днях туда же едет государь с Ольгой Николаевной. Сегодня был у меня последний у него перед отъездом доклад. Я нашел государя весьма озабоченным здоровьем императрицы, но он намерен скоро вернуться в Петербург, а именно к 9-му апреля. С ним едет и граф Шувалов, но проводит государя только до Одессы и немедленно вернется в Петербург, ибо без него здесь была бы остановка в делах, так как дело печати и реальных училищ ведется под его руководством.

10-го апреля. Сегодня был у меня первый по возвращении государя — и, вероятно, последний — доклад. Государь вернулся вчера и сегодня прислал мне с фельдъегерем сказать — быть у него с докладами к 11-ти часам. Когда я прибыл во дворец, еще шла обедня, после которой по случаю рождения великого князя Владимира было благодарственное молебствие. Во время обедни, увидя Шувалова, стоящего в ротонде перед церковью, я подошел к нему и спросил его, не знает ли он, почему государь вычеркнул из посланного мною ему в Ливадию наградного списка Королева — директора Петровской Академии. На это Шувалов отвечал мне, что предполагает, что государь очень недоволен Академией и потому не хочет награждать ее директора. Я заметил Шувалову, что с тех пор, как Королев директором, не было в Академии беспорядков и что он, напротив, строго смотрит за порядком, чем и возбудил против себя неудовольствие. Тогда Шувалов стал говорить мне, что он про Королева ничего дурного не знает, но что государь дорогою показывал ему новую толстую тетрадь пересматриваемых писем, из которых более половины из Петровской Академии, и что в Москве опять начинается дело, в котором замешаны студенты Академии. Я заметил Шувалову, что странно, почему мы, непосредственное начальство, ничего об этом не знаем и докладываем наши официальные сведения, совершенно противоположные сведениям, получаемым тайным путем. Потом Шувалов объявил мне, что колонисты⁶⁶ также очень недовольны своим новым положением, и что он это предвидел, и что там готовятся бунты — на это я опять возражал ему, что мы, напротив того, получаем из разных колоний благодарственные адреса, которые я докладывал государю и которые приняли к нам через губернаторов и генерал-губернаторов, и что, таким образом, наши сведения опять противоречат его заявлениям, что хоть бы он потрудился сообщить нам, на что колонисты жалуются и чем они недовольны, что такое положение дела невыносимо. Во время обедни более объясняться было невозможно, и так как служба кончилась, то я пошел в приемную ожидать выхода государя. Так как было много представляющихся и после обедни был завтрак, то я позван был к государю только в 2 часа. Он встретил меня ласково, спросил о здоровье Зеленого и при этом в первый раз спросил — говорил ли Зеленый мне о своих намерениях. На это я отвечал, что Зеленый неоднократно мне говорил о твердом своем намерении просить увольнения от должности министра, так как чувствует, что не в силах будет управлять когда-либо министерством, и что он намерен просить государя дозволе-

ния представиться ему в будущий понедельник. На это государь ничего не сказал, но вспомнив, что будущий понедельник 17-е число — день его рождения, сказал, что в понедельник неудобно и приказал сказать Зеленому, чтобы он явился в будущую субботу, т. е. накануне Светлого праздника. Когда начался доклад, то я сказал государю: «Ваше Величество не изволили утвердить одно мое представление о награде». — «Да, — отвечал государь. — Я имею самые дурные сведения о Петровской Академии». Я заметил государю, что с тех пор, что Королев — директор, не было ни малейшей истории и что в прошлом году Королев тоже был лишен награды. «И на просьбу Зеленого Ваше Величество разрешили предоставить в нынешнем году, ежели все будет благополучно». — «Да, — ответил государь, — но я имею сведения, что там неблагополучно». Я продолжал объяснять, что мы ни от кого неблагоприятных отзывов не получали и что генерал-губернатор тоже мне свидетельствовал, что теперь в Академии все так спокойно, что нам нужно поддержать человека, который старается навести порядок. На это государь, повышая голос, решительным тоном объявил: «Нет, я имею совсем другие сведения, весьма достоверные, и я не могу награждать начальника заведения, которым я недоволен». Я прекратил разговор об этом и начал докладывать другие дела. Сегодня о колонистах мне государь ничего не говорил, но разговор с Шуваловым объяснил мне значение тех слов, которые я слышал при прежних докладах. Он несколько раз мне говорил, но так неопределенно и неясно, что я не мог давать словам этим особого значения. После доклада государь, по обыкновению, подал мне руку, поговорил о погоде, я спросил о здоровье императрицы и проч. ..., и я вышел из кабинета опять без малейшего намека на то, остаюсь ли я — или нет — министром. Но, признаюсь, сегодняшней доклад еще более возбудил во мне желание выйти подобру-поздорову из министерства. При этих условиях не только никакая борьба, но и никакая деятельность невозможна. Рядом с официальным правительством установилось теперь правительство тайное, сведения и действия которого даже неизвестны министрам — что тут делать. Я совершенно беззащитен против нападков, мне неизвестных, и перед человеком, который во все уже утратил веру, кроме доносов и перлюстрированных писем. Никаким делом его, видимо, заинтересовать нельзя более — так ему, видимо, надоело, так он устал и так ему сделались противны все им же совершенные великие реформы. Нет, ничто в положении министра не может вознаградить за ту нравственную пытку, через которую проходишь, будучи во главе управления при таких странных и несчастных обстоятельствах.

17-го апреля. Вот чем разрешилась, наконец, вчера моя судьба. Из всех возможных комбинаций я, признаюсь, не останавливался на предположении о Валуеве. Это назначение удивило всех. Еще третьего дня, т. е. 15-го числа, в Страстную субботу утром, в 11 часов, приехал ко мне военный министр Милютин прямо от государя и объявил, что государь поручил ему написать грамоту на пожалование Зеленому Александру⁶⁷, с увольнением от должности. Милютин просил меня сообщить ему какие-либо данные для грамоты; так как я, пред-

видя возможность скорого увольнения Зеленого, ожидал, что, может быть, мне будет поручено писать рескрипт, то я заранее набросал кое-что для себя, что могло послужить канвой для рескрипта. Эти сведения я и передал Милютину. Вслед за Милютиним должен был явиться к государю и Зеленый, так как он призван был к 11-ти часам, о чем Зеленый известил меня следующей запиской: «Государь прислал звать меня к 11-ти часам, это не очень удобное время перед самой обедней. Но, может быть, все удастся».

Отдав приказание Милютину писать грамоту, государь ничего не сказал ему о том, кто назначается на место Зеленого. Я рассказал Милютину о том, что уже несколько дней носят весьма достоверные слухи о назначении Валуева, Милютин тоже об этом слышал, но считал этот слух неверным.

В 12 часов я отправился к Зеленому и застал его уже дома, только что возвратившегося от государя. Тут он объяснил мне, что министром назначен Валуев, а я — членом Государственного совета. Назначив Валуева, государь спросил у Зеленого: «Что, ты имеешь что-нибудь против этого назначения?». Зеленый отвечал, что против Валуева он ничего не имеет, тем более что он прежде служил в Министерстве государственных имуществ, а потому ему известны и дела его, но что Зеленый думал и надеялся, что государь назначит меня. Государь отвечал ему, что он мною весьма доволен, но что в министерстве предстоят важные реформы, для которых нужен опытный человек, и что Валуев теперь свободен и может с успехом преобразовать министерство. Так как мы несколько раз говорили с Зеленым о моем будущем положении, то я не скрыл от него, что как бы ни определилось мое будущее, все мои денежные дела в таком положении, что крайне буду затруднен продолжать служить без пособия на уплату своих частных долгов. Зеленый согласился просить для меня ссуды из капиталов, находящихся в распоряжении министерства, — 60 тыс. без % на 10 лет. В этом смысле я писал Зеленому и просил повергнуть мою просьбу к стопам государя. Зеленый в точности исполнил свое обещание, и государь без затруднений согласился на ссуду в 60 тыс. рублей. Это обстоятельство очень меня устраивает. От Зеленого я поехал в Государственный совет, где было назначено экстренное заседание в Департаменте законов в присутствии всех министров по делу о временных правилах о печати. Тут я видел великого князя Константина Николаевича, который тронул меня своим ласковым и добрым вниманием. Он обнял меня и сказал: «Теперь Вы весь наш, я от души рад и много на Вас рассчитываю, что Вы будете работать». Я просил его пока не назначать меня ни в какой департамент⁶⁸, ибо желаю отдохнуть и заняться своими делами, а что после Нового года я весь к его услугам. Из Совета я поехал к Валуеву и застал его только что вернувшимся от государя. Я совершенно искренне и без малейшего неудовольствия поздравил его, выразив при этом удивление, что он принял Министерство государственных имуществ после другого, более важного министерства и променял свое независимое и обеспеченное положение на другое, зависимое и сравнительно менее обеспеченное, так как он должен будет отказаться от участия в частных обществах, где в качестве директора получает хорошее вознаграждение. На это Валуев отвечал мне, что он этого места не искал и не желал, но не счел себя

вправе отказаться от непосредственного выбора государя. Из слов Валуева можно было заключить, что предложение ему было сделано Шуваловым еще прежде отъезда государя в Крым и что, следовательно, Шувалов имел довольно времени подготовить и обставить приличным образом свою комбинацию. Я уверен, что назначение Валуева только временное, он выбран был Шуваловым как лицо, которое представляет более прав моего на занятие министерского места, — мог быть скорее принят государем, нежели всякое другое лицо, которое бы он задумал представить мне конкурентом. Я думаю, что это лицо есть Грейг, товарищ министра финансов и друг Шувалова, и что весьма скоро Валуев получит другое назначение, а Грейг будет назначен на его место. Так как я был всегда вполне уверен, что Шувалов употребит все средства, чтобы меня не впустить в министерство, то я никогда и не останавливался долго на мысли о возможности замещения Зеленого — по крайней мере я никогда не имел большой надежды на это. Потому первое неприятное впечатление во мне скоро изгладилось, и я совершенно спокойно и искренно доволен конечным результатом этого эпизода в моей жизни, который вместе с тем — очень решительный и радикальный перелом в моей служебной деятельности. Отныне я поступаю в разряд инвалидов⁶⁹ и буду свободен в выборе занятий. Благослови, Господи, тот новый путь, по которому мне предстоит идти. Вчера утром я представлялся государю вместе с другими, получившими награды и назначения. Тут были и Валуев, и Зеленый. Обратясь ко мне, государь сказал: «Благодарю тебя за службу», — я ответил поклоном. Тем дело и кончилось.

25-го апреля. Обстоятельства, предшествовавшие моему новому назначению, все более и более раскрываются. Теперь уже не подлежит сомнению, что назначение Валуева уже было решено перед отъездом государя в Крым. Переговоры шли, и все дело ведено было через Шувалова, который, по всей вероятности, обещал Валуеву в непродолжительном времени место министра иностранных дел, предполагая назначить ему преемником Грейга. При таких обстоятельствах я только могу благодарить Бога, что не попал в министры, ибо меня бы задушили доносами на первом же году и я должен был бы удалиться со скандалом. Теперь же я выхожу со всеми онерами⁷⁰, мне назначили содержание в 10 тыс. рублей, и я оставляю деятельную службу с еще не ослабевшими силами и с хорошей репутацией как в деловом мире, так и в обществе. Доказательством последнего может служить то, что меня выберут в директоры Учетного банка вместо Валуева, что в материальном отношении очень меня устроит. В Москве и в Петербурге весьма многие удивляются, почему меня не назначили министром, — это тоже явление довольно необыкновенное, ибо обыкновенно у нас удивляются новому выбору, но редко удивляются тому, что кто-либо не назначен. В среду 19-го числа я сдал Валуеву все оставшиеся на моих руках бумаги, и он окончательно вступил в управление министерством, а я окончательно сделался свободным человеком.

Вчера в первый раз в Государственном совете в звании члена. Великий князь Владимир Александрович также вчера виден был в совете, и мы вместе

подписали присяжный лист⁷¹ после прочтения о назначениях наших и после обычных поклонов в ответе на поздравление членов. Мне пришлось сидеть рядом с графом Сергеем Григорьевичем Строгановым, задом к свету, что очень приятно. В этом заседании рассматривался вопрос о судоустройстве и судопроизводстве в Царстве Польском. По этому делу главное разногласие членов Объединенного присутствия, в котором неоднократно и подробно рассматривался проект, состояло в определении значения гласных судов. Как в этом, так и во всех других вопросах два резко противоположных направления и выразились. Большинство, к которому принадлежал и я, стараются сохранить за гласными судами их значение, надеясь найти в них опору против вражды и происков шляхетства, а меньшинство видит в них демократическое начало и опасный принцип. На эту тему, прикрытую разными политическими и юридическими соображениями, настраивают государя, <что ежели граф Пален препятствовать будет>, то он не останется министром. Хотя это заявление было принято государем с неудовольствием, но тем не менее вопрос еще более осложнился личными соображениями. Великий князь Константин Николаевич, видимо, сочувствует мнению большинства, но так как он, как и мы все, почти уверен, что государь не утвердит это, то придумывается какой-то компромисс, а потому дело под самым ничтожным и непонятным предлогом возвращено опять из Общего собрания в Соединенное присутствие⁷², куда принц Ольденбургский обещал представить какие-то ему самому еще хорошо не известные предположения. Все это такая комедия, которая становится отвратительною. Эта метода приискивать и добиваться соглашений между мнениями, в основаниях противоположными, губительно действует на самое дело. В итоге всех этих комбинаций получается всегда такое законодательное уродство, что потом, при исполнении закона, возникают всякого рода безобразия. И все это для того, чтобы дела представлялись государю без разногласия, ибо почти по всем важным делам вперед уже забегает Шувалов и К^о к государю и направляют его всегда, разумеется, с чисто только полицейской точки зрения, а так как почти по всем делам этим большинство не на стороне партии шуваловской, то и происходят в Совете всякого рода интриги. Никто не мешает государю соглашаться с меньшинством, но, не менее того, не хотят и на это решиться. Поэтому много вопросов минует теперь Совет, а другие приходят только для проформы, с заранее известным решением. Ежели прибавить к этому отсутствие всех талантов в главных руководителях всех интриг и отсутствие определенной мысли и программы, то сделается понятным, как все это идет беспорочно. Всею корень — страх. Все чего-то бояться — и вперед идти бояться, и назад пятиться не смеют и не умеют. Этот все обуявший страх выразился, между прочим, в рескрипте московскому генерал-губернатору князю Долгорукову по случаю поздравления к празднику. На Москву смотрят как на оппозиционную страну, куда государь должен в июне ехать на выставку, а потому счел нужным обласкать жителей следующим рескриптом.

1872 год

**Высочайший рескрипт, данный на имя
Московского генерал-губернатора, генерал-адъютанта,
генерала от кавалерии — князя Долгорукова**

Князь Владимир Андреевич,

Всякое новое засвидетельствование истинно верноподданнических чувств жителей Москвы в день Моего Рождения доставляют мне постоянно сугубое удовольствие. Изливаясь из сердца России, Моей любимой Родины, такое искони непреложно искреннее засвидетельствование встречается в Моем сердце всегда верный отголосок. Заветное памятование сего дня сопрягается для Меня с отрадным убеждением, что установленная веками и никогда не ослабевавшая преданность Москвы к престолу растет и крепнет, служа тем самым одним из залогов как настоящей, так и будущей силы и счастья России. С сими неизменными радостными верованиями и мыслями, приняв ныне принесенные Вами поздравления и благопожелания от имени московских жителей, я выражаю им, равно как и Вам лично, Мою душевную за то признательность.

Пребываю к Вам навсегда благосклонный
Александр.
С.-Петербург, 18-го апреля 1872-го года.

Сколько фальши в цели, вызвавшей подобные необычайные слова? Русский царь, пользующийся такой беспредельной любовью, какую еще, быть может, никогда никакой царь не пользовался. Русский царь, в полном обладании такого могущества, которым никогда никакой царь не обладал, не имея тех материальных средств, какими может располагать в настоящее время власть с помощью железных дорог и телеграфов. Такой русский царь считает нужным лебезить перед Москвой. Это не только отсутствие такта, но и признак сознания неправильных отношений к земле⁷³.

27-го апреля. Мои благоприятели (кто они — мне неизвестно) тиснули сегодня в «С.-Петербургских ведомостях» следующую статейку:

«Немногие читатели знают особого калмыцкого капитала, доходящего до 300 тыс. рублей и собранного с калмыков для устройства больниц, школ и т. п. ... Мы слышали, что капитал этот уменьшился в настоящее время на 60 тыс. рублей, позаимствованных на легальном основании лицом, недавно еще занимавшим один из административных постов. В прежнее время подобные заимствования, большей частью безвозвратные, не были редкостью, составляя особый вид наших *virements de fonds**. Но в управлении нынешнего министра финансов случаи эти почти не возникали, и потому повторение их, естественно, обращает на себя общее внимание».

В этой статейке много неверного. 1) Мне разрешено выдать ссуду на 10 лет без % с ежегодной уплатой по равной части не из калмыцкого капитала, а из европейского переселенческого капитала, не имеющего никакого специально-

* перемещение фондов (с одной статьи на другую).

го назначения и предназначенного в скором времени просто причислению в казну. 2) Эта ссуда не имеет ничего общего и вовсе не похожа на *virements de fonds*. Самый же капитал не находится и никогда не находился в ведении министра финансов, и сама ссуда мне назначена по докладу Зеленого без всякого сношения с министром финансов. Эти неточности в сообщении доказывают, что газета получила сведения не от чиновников министерства, а из другого источника. Я просил ссуду, не видя в этом никакой особой милости и не думая нарушать какой-либо существенный интерес казны. Не было почти примеров, чтобы люди, занимавшие высшие должности в Министерстве государственных имуществ, оставляли оное без больших материальных наград. Так, Валуев за кратковременное управление им департаментом министерства в должности директора получил в собственность 4700 десятин, Муравьев за кратковременное управление министерством получил 20 тыс. десятин отличной земли⁷⁴. Я уже не говорю о прежних временах, когда земли раздавались почти всем служащим в министерстве. Я не считал себя вправе просить ни земель, ни денежной награды, но не мог упустить представлявшейся возможности уплатить свои частные долги, за которые плачу большие % — казне же возвращу ссуду по частям. Я знаю, что этим пособием будут меня упрекать, но я решился пренебречь этим, потому что не видел другого исхода моему тягостному положению. В течение 20-ти лет я, живя с большим семейством в Петербурге, не только не имел времени заняться собственными делами, но, напротив, должен был по необходимости тратить более, чем получал. К тому же я считаю себя вправе думать, что во время службы моей в Комиссариатском департаменте Морского министерства и в Таможенном ведомстве я доставил казне немало выгод.

30-го апреля. Сегодня единогласно, без баллотировки, меня выбрали директором Учетного банка — на место Валуева, который, получив назначение на должность министра, должен был отказаться в участии в частных кредитных обществах. По предложению некоторых акционеров я выбран без баллотировки единогласно, хотя таким блестящим успехом я обязан тем, что министр финансов Рейтерн выразил частным образом свое желание, чтобы я был выбран. Но, не менее того, я нашел в числе акционеров и влиятельных лиц в Правлении много знакомых мне по прежнему сношению моему с здешним биржевым купечеством во время служения моего в Таможенном ведомстве. Вообще продолжительная моя служба здесь, в Петербурге, и всегда в должностях, ставивших меня в соприкосновение с публикой, приобрела мне ежели не огромное знакомство, то по крайней мере некоторую известность в разных сферах общества. Сегодняшнее единодушие было для меня приятным свидетельством, что общее мнение расположено в мою пользу. В зале акционеров было более 70-ти человек, и большинство мне незнакомых, однако на вопрос председательствовавшего в собрании в последний раз Валуева никто не потребовал моей баллотировки. Этот выбор в материальном отношении очень меня устраивает. Говорят, что при благоприятном течении дела я буду получать от 10-ти до 12-ти тысяч ежегодного вознаграждения. До сих пор все мои попытки нажать что-либо в каких-либо предприятиях так мало имели успеха, что и тут невольно опасаясь каких-либо неудач, от которых сохрани меня Бог.

1-го мая. Сегодня в Общем собрании Государственного совета читался, наконец, журнал Общего собрания по вопросу о реальных училищах. Очень жаль, что этот журнал не будет напечатан. После продолжительных прений в Особом присутствии, а потом в Общем собрании мнение членов разделилось. Меньшинство — 17 членов — согласилось с проектом министра народного просвещения, а большинство предлагало учредить реальные училища с полным образовательным курсом без всяких прикладных наук. Жаль, повторяю, что журналы Общего собрания, в которых прописываются разные мнения и которые, собственно, идут на утверждение государя, не печатаются. Этот журнал будет для потомства настоящим выражением направления дел и того духа, в каком все дела представляются государю. Оба мнения изложены с целью возбудить страх — все собрание редакторов направлено к тому, чтобы доказать страшную опасность и гибельные последствия от принятия мнения противников. Особенно в этом отношении отличается мнение меньшинства — в нем употреблены самые устрашающие выражения и предсказаны самые гибельные последствия, ежели только будет принято мнение большинства. Расчет министра народного просвещения верен, и я не сомневаюсь, что государь согласится с мнением меньшинства. Сегодня объявлено, что государь решился на днях, а именно в субботу, ехать опять в Крым — в Ливадию — и к 30-му мая быть опять назад. Эта поездка не вызвана вовсе какими-либо беспокойствами о здоровье императрицы; напротив, ей, говорят, гораздо лучше, но просто, кажется, от скуки не сидится, и главное — дела сильно надоели.

20-го мая. Вот уже с лишком месяца, что я не у дел, и пока еще не чувствую особой тоски, в которую, говорят, впадают люди, привыкшие к ежедневной служебной деятельности. К тому же занятия в банке хотя не требуют от меня никакого особого труда и не берут много времени, но возбуждают интерес к делу, для меня новому. Обстоятельства, разъясняющие подробности всякой против меня кабалы, более и более разъясняются, и теперь не подлежит сомнению, что Шувалов и К^о уже давно обдумали весь план моего устранения от министерства. В окончательном результате все-таки Грейг будет министром государственных имуществ, а назначение Валуева есть только временное. Не менее того, Валуев, вступив в управление, уже начал выкладывать разные штуки. Во-первых, явился в Государственный совет в мундире Лесного ведомства военного покроя, чем возбудил смех и удивление. Во-вторых, при первом же своем докладе представил государю два своих предположения с просьбой рассмотреть их в Совете министров в присутствии государя, но так как государь уехал в Ливадию, то приказал рассмотреть эти предложения в Комитете министров. Первое из этих предположений заключается в том, чтобы назначить под его председательством комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Во всеподданейшем докладе об этом написано много громких фраз вроде следующей: «Вопрос о нынешнем положении сельского хозяйства в России, о его вероятной будущности, о его настоящих нуждах и об органических условиях охранения, преуспевания или упадка нашей сельской производительности есть один из самых труд-

ных, сложных, настоятельных и, несмотря на то, наименее разъясненных современных вопросов» и т. д. ...

Засим указывается, например, Англия, но это указание вовсе не может служить примером, ибо там, во-первых, парламент, во-вторых — никогда подобные комиссии не находятся под председательством одного из министров, и, в-третьих, самый вопрос, подлежащий исследованию, никогда не ставится в такой общей, всеобъемлющей форме. Сам Валуев не знает, что из этого выйдет, а пустил эту шутку так, для эффекта, в виде фейерверка. Другие его предложения имеют ту же цель, как он мне сказал: «Je veux donner une couleur au Ministère»*. Это предложение заключается в том, чтобы в Совете министра государственных имуществ дозволено ему было назначать почетных членов из крупных землевладельцев для обсуждения сельскохозяйственных дел. Надо заметить, что в Совет министра государственных имуществ никаких сельскохозяйственных дел не поступает, и вообще при настоящем устройстве министерства сельскохозяйственная часть вся ограничивается управлением заведениями и утверждением уставов сельскохозяйственных обществ. Все это пуф, и в Комитете министров на всех министров эти предложения Валуева произвели одинаковое впечатление, но это не мешает Валуеву достигнуть цели в глазах государя — этот пуф может показаться признаком полезной деятельности. Я, признаюсь, думал и надеялся, что двухлетнее пребывание Валуева не у дел умудрит его, но, кажется, вышло наоборот — он остался таким же пустозвоном, каким был и прежде. Покойный М. Н. Муравьев в своих записках довольно верно характеризует личность Валуева, называя его государственной ничтожностью. Он говорит: «Валуев — человек не без способностей, но бездушный космополит и преданный одной мысли и желанию воспользоваться европейской известностью и похвалой, хотя бы то было вредом для России, — словом, человек во всех отношениях не верный ни России, ни государю, и можно выразиться — вполне вредный русскому делу». Кстати, о записках Муравьева за время его генерал-губернаторства в Северо-Западном крае скажу, что они в общих чертах справедливы и верно представляют его деятельность, но в суждениях его о великом князе Константине Николаевиче очень много пристрастия. Я это говорю с полным убеждением, ибо, хотя я сам не только не одобряю <ни> действий, ни взглядов великого князя на польский вопрос и даже за это с ним решительно поссорился и разошелся, но тем не менее Муравьев совершенно неправильно судит о побудительных причинах действий великого князя и толкует их пристрастно. Теперь великий князь совершенно изменил свой взгляд и по всем вопросам, до Царства <Польского> и Северо-Западного края касающимся, действует в самом русском смысле. Как произошла с ним эта перемена — об этом я скажу в свое время, когда время позволит мне записать подробную характеристику этого во многих отношениях замечательного человека.

Завтра у нас последнее заседание в Государственном совете — собственно, для подписания журнала прошедшего заседания, а засим начнутся приготовления к празднованию юбилея 200 лет Петра I, который имеет быть 30-го мая.

* Я хочу придать направление министерству.

30-го мая. Сегодня отпраздновали мы двухсотлетнюю годовщину рождения Петра Великого. Праздник удался вполне. Я был в числе прочих членов Государственного совета в крепости, в соборе. По прибытии государя, в 10 часов утра, совершена была на гробнице Петра панихида, по окончании которой государь положил на гроб золотую, выбитую по случаю сегодняшнего празднования, медаль. Исполнив это, государь встал на колени и около минуты стоял с поникшей головой, припав к гробнице. Какой мыслью был он проникнут в эту минуту — неизвестно, но он казался взволнованным.

Через 200 лет и его доблестным делам воздаст благодарность потомство, и его будут величать за освобождение и обновление России, ибо, конечно, после Петра никто не совершил столько коренных реформ, как Александр Николаевич. Но какая разница в характерах, способностях и сознании этих двух властителей! Один был сам творец и исполнитель своих преобразований и умер в работе, скорбя, что не умел совершить все, им задуманное, и увидеть плоды своих преобразований. Другой, как будто случайно и неожиданно, силою вещей влечен был в дело преобразования и уже на полпути устал и готов был отказаться от великих содеянных им дел. Грустно мне было видеть, что из всех деятелей блестящей эпохи царствования государя остались около него только двое — военный министр Милютин и министр финансов Рейтерн, и те не в милости, а держатся по необходимости. Все же прочие близкие теперь люди не только не принимали никакого участия в произведенных реформах, но были и остались к ним враждебными. Не менее того, все-таки дело сделано, и все-таки потомство через 200 лет будет чествовать и славить память Александра II наряду с великими строителями русской земли.

Из крепости, после панихиды, все отправились на пароходах по Неве к Петровской пристани, против памятника Петра I, а оттуда шествие направилось в Исаакиевский собор, где была литургия, а потом молебствие перед памятником и парад войск. На Царицыном лугу⁷⁵ народные гуляния также очень удались. Всему благоприятствовала погода. Благодаря генералу Трепову народные гуляния с некоторых пор приняли весьма оживленный и благообразный характер.

3-го августа. Вот уже скоро 2 месяца, что я живу в деревне, в Березичах, и наслаждаюсь всеми удовольствиями деревенской жизни. Благодаря вакантному времени Государственного совета я совершенно свободный человек до 15-го сентября и, вероятно, пробуду в отпуску и долее этого времени, ежели поеду за границу. Государь будет в отсутствии, великий князь — тоже, и едва ли к 15-му сентября соберутся все министры, а потому настоящий деловой сезон едва ли начнется прежде октября. Валувев уехал за границу, а на место его назначен управлять Министерством государственных имуществ Грейг — товарищ министра финансов, что и следовало ожидать. Таким образом, вполне справедливы мои предположения, что министром государственных имуществ Шувалов желает сделать Грейга и вся эта комедия с Валувевым сыграна только для того, чтобы облегчить Грейгу возможность заместить меня. Эта весьма ловкая комбинация удалась вполне, и я еще более благодарен судьбе, что во-

время вышел из омута, ибо решительно не считаю себя способным войти в дружбу с компанией Шувалова. Пребывание мое в деревне окончательно успокоило мои нервы, которые, несмотря на мое хладнокровие, раздражались подчас в Петербурге при встрече с лицами не с о ч у в с т в е н н ы м и. До сих пор я еще не ощущаю ни малейшей тоски от отсутствия занятий служебных, но я чувствовал, в особенности в первое время, какую-то пустоту от отсутствия забот. Меня служебные дела занимали не только во время служебного времени, но я как-то постоянно носил в себе заботу или думу о том или ином вопросе или деле. Теперь же отсутствие всякой заботы о служебном деле есть состояние для меня новое. Деревенская жизнь, с постоянным вниманием к хозяйственным работам и постройкам, так наполняет время, что о другом и думать не хочется. К тому же дела банка, в котором председательствую, очень меня интересуют, и я, по приглашению Гинцбурга, вступил в число учредителей Нижегородского поземельного банка, что может быть весьма полезным и выгодным предприятием. В самом деле я также не намерен играть пассивной роли, а, напротив, приму самое деятельное участие для устройства самого дела на месте. На днях отправляюсь в Нижний. Здесь два раза присутствовал я на мировом съезде и убедился, что мировой суд здесь идет вообще хорошо и народ относится к нему с полным доверием. Мои бывшие крестьяне значительно поправились, мы с ними в самых лучших отношениях. Они поняли и убедились теперь, что я их не обманывал, что устроил быт их лучше, чем по положению, и щедрее всех других помещиков. Они рассуждают теперь со мной о делах с полным доверием как добрые и хорошие соседи. Весьма охотно делают мне за чарку водки всякие прислуги, при этом никаких жалоб, никаких просьб, от которых, бывало, прежде не отобьешься. Так что теперь жить в деревне несравненно приятнее, чем прежде. Постройки мои все еще не кончились — хочется на старость лет приготовить себе теплый угол. Что Бог даст.

14-го ноября. Выехав 30-го августа из Петербурга за границу со старшей дочерью Варварою, я только 28-го октября вернулся обратно. По милости Божией, все благоприятствовало нашему путешествию, и эта прогулка принесла мне и в нравственном, и в физическом отношении большую пользу. В нравственном тем, что доставила мне развлечение, уничтожив последний остаток накопившейся желчи и сгладив самый след неудовольствия и неудач на служебном поприще, так что я чувствую себя совершенно спокойным и примиренным, волновавшие меня вопросы утратили тот раздражительный характер, который вследствие личных столкновений нередко преобладает в делах. И теперь я вступаю на новое для меня — стариковское — поприще со спокойным духом и без малейшего сожаления о прекращении прежней тревожной деятельности. Благодаря Бога, я имею в семье столько утешения, что мне нет надобности иметь лично для себя развлечения в кипучей общественной деятельности, а доброе имя и расположение моих сослуживцев служат мне ручательством в том, что время моей служебной деятельности осталось не бесследным.

В физическом отношении прогулка за границей также доставила мне большую пользу. Я давно не чувствовал себя столь здоровым и бодрым, как теперь.

Не будучи еще совершенно стариком (мне стукнуло 50 лет), я имею утешение в старших детях своих видеть вполне развитых людей.

Мы путешествовали с Вавочкой вдвоем, без человека и без девушки. Два месяца мы таким образом странствовали по Швейцарии, Франции и Италии, я имел утешение ближе видеть и оценить редкие достоинства моей милой Вавочки. Я наслаждался живостью ее впечатлений, дельностью и рассудительностью всех ее замечаний, и при этом она не только не тяготилась всеми трудностями путешествия без прислуги, а, напротив, с большим умением и терпением ухаживала за собою и даже за мной. Прелестная девочка, дай Бог, чтобы она нашла человека, способного ее оценить. Мы из Петербурга, через Берлин, отправились прямо в Швейцарию, в Веве⁷⁶, где я оставил Вавочку с княгиней Урусовой, а сам отправился на несколько дней в Париж. Мне любопытно было видеть этот город после недавних еще в нем событий. К удовольствию моему, я нашел в нем очень мало перемены, и по внешнему виду самого города и его жителей едва можно было заметить следы осады и Коммуны. Нельзя сказать того же об остальной Франции. В провинции, и в особенности в южной Франции, как например в Лионе, где мы останавливались с Вавочкой на несколько дней проездом из Женевы в Италию, там отсутствие власти и благоустроенного порядка гораздо заметнее, и общее впечатление, мною из Франции вынесенное, весьма прискорбное. Этой несчастной стране предстоит еще много бедствий. Принцип власти окончательно поколеблен, и нет ни одного живого начала, на которое могло бы опереться правительство. Непримирымый раздор партий есть только внешний признак разложения. В Италии, к моему удивлению, я нашел более живых начал, чем предполагал. Этот народ представляет большие ручательства в том, что победоносно выйдет из временных политических и финансовых затруднений. Единство Италии упрочено, и практический смысл ее тому много содействовал. Из всего романского племени одни итальянцы, кажется, могут еще иметь будущность. Мы жили по нескольку дней в Милане, Венеции, Флоренции, Риме и Неаполе. Везде чудная была погода, и мы вполне наслаждались прелестями природы и искусства. Внезапный разлив нескольких рек в северной Италии замедлил, хотя ненадолго, наш обратный путь. В Вене пробыли мы 3 дня и 26-го октября первый раз почувствовали наступившую осень. На нашей границе и в Варшаве я тронут был вниманием моих бывших сослуживцев⁷⁷. Все они — и в особенности артельщики — встречали и провожали меня со знаками искренней любви. Так как эти манифестации не могли уже теперь иметь никакой корыстной цели, то они были мне очень приятны.

28-го октября мы вернулись благополучно в Петербург, и я застал, благодаря Богу, всех своих здоровыми. В этот же день вернулся и государь из Ливадии. Я поехал в Царское на другой же день и представился царю, причем благодарил его за пожалование во фрейлины дочери моей Елизаветы. Заседания в Государственном совете начались уже давно, а именно 18-го сентября. Но так как я не назначен еще ни в какой департамент, то отсутствие мое не могло иметь никакого значения. Дела же до сих пор в Общем собрании докладываются самые пустые.

Во время моего отсутствия я назначен государем в комиссию под председательством графа С. Г. Строганова для рассмотрения отчета министра на-

родного просвещения. Подобная комиссия назначается ежегодно и не имеет особого значения, тем не менее я был удивлен, что выбор государя пал на меня. До сих пор в делах полное затишье. Цензурное ведомство, пользуясь новым законом, разрешающим ему уничтожить, через Комитет министров, уже напечатанные книги и журналы, широко пользуется этим правом, и Комитет министров, как и следовало ожидать, молчит, хотя, по сознанию всех членов, многие из запрещенных книг не заслуживают этой кары. Общество также, по-видимому, стало равнодушнее ко всем резким проявлениям реакции, это, конечно, еще более поощряет власть имущих без всякого толку и разбору придумывать разные мероприятия.

19-го ноября. Полное затишье в делах общественных. Заседания Государственного совета не представляют ни малейшего интереса, дела на очереди самые пустые. На днях вернулась императрица из Ливадии совершенно здоровою. Двор переехал в Петербург, начинаются общественные удовольствия. Приехала опять пропасть немцев из Берлина к Георгиевскому дню, так как теперь в прусской армии чуть ли не более георгиевских кавалеров, нежели в русской⁷⁸.

Валуев выбрал себе товарища — московского гражданского губернатора князя Ливена — человека, кажется, вполне подходящего под стать нынешнего министерства. Хотя Ливен православный, но тем не менее в Остзейских провинциях, конечно, возрадуются этому назначению. Я лично Ливена очень мало знаю, он еще очень молодой человек, но, кажется, без всяких замечательных способностей и вполне безмолвный чиновник. Впрочем, по-видимому, теперь никаких дел, требующих известного направления, в министерствах вообще не производится. Все спорные вопросы обходятся, и возникающие частные случаи разрешаются без отмены изданных постановлений, но в противность им, по соглашению с Шуваловым и по докладу государю; так, закон 10-го декабря о поземельных правах уроженцев Северо- и Юго-Западного края в действительности уже не действует, ибо все просьбы о разрешении завещать и отчуждать имения полякам разрешаются государем по представлению графа Шувалова. Об Остзейском крае и говорить нечего — там уже нет и тени русского правительства.

На днях министр внутренних дел Тимашев, в наивности своей, возбудил, по просьбе редактора «Правительственного вестника», вопрос о том, чтобы в «Правительственном вестнике» печатались бы мотивы издаваемых указов в тех случаях, когда Государственный совет признает это удобным и нужным. Казалось бы, что может быть невиннее подобного предложения? Однако для обсуждения этого вопроса государь назначил особую совещательную комиссию из нескольких министров под председательством великого князя, и когда эта комиссия выработала самые невинные по сему правила, то и тут государю это показалось чересчур либеральным актом, и он, не скрывая этого мнения, велел еще раз рассмотреть этот вопрос в Комитете министров. Самая мера столь ничтожна, что не стоит малейшего внимания. Всегда прежде, не только при Екатерине, Александре, но и при Николае, все указы печатались в «Сенатских ведомостях» и в «Полном собрании» с мотивами, и только в конце

царствования Николая граф Панин, будучи министром юстиции, изменил, неизвестно почему, этот порядок и признал более удобным просто писать: «Государь император высочайше повелеть соизволил»... а почему? — Неизвестно. Это неудовольствие государя показывает ясно, в каком духе он настроен, и я убежден, что скоро виновники этого настроения сами расскажут и увидят, что зашли слишком далеко. Ибо на пути недоверия и страха трудно остановиться. С наступлением зимы опять начались аресты разной молодежи, — за что и про что — никто хорошенько не знает. Впрочем, в заведениях, подведомственных Министерству государственных имуществ, все обстоит благополучно, ибо со времени выхода Зеленого и моего из министерства все шуваловские доносы на эти заведения прекратились. Я очень рад за бедную молодежь, невинно страдавшую за нас.

Недавно я слышал от человека, близко знакомого с Шуваловым, что он меня терпеть не может. Я вполне этому верю и вполне разделяю это чувство, хотя между нами никогда не было личных, вне дел, отношений. Его влияние на государя я считаю пагубным, средства употребляемые — в высшей степени безнравственными и бесчестными. Но что всего изумительнее и возмутительнее — это то, что нельзя в действиях его отыскать какой-либо мысли или заботы об общественном благе. Ежели бы я видел в нем человека с каким-либо направлением, даже совершенно мне противным, то мог бы примириться с ним в надежде, что он более меня *dans le vrai**. Но ничего в нем нет, кроме желания властвовать и держаться, обрабатывать делишки дня, устраняя затруднения, не заботясь нимало о том, что из всего этого выйдет впоследствии. Едва ли кто может сказать, чего он хочет. При полном невежестве он или не хочет, или не может понять смысла произведенных реформ, а потому он и не думает об их отмене или изменении. Вся мелочная реакция его ограничивается проделками частных случаев, он не видит или не хочет видеть, какой хаос готовится в будущем.

3-го декабря. На сих днях я представлялся царице. Она со мной беседовала с четверть часа, и я нашел ее совершенно здоровою. Говорили единственно о моем и ее путешествии. Ни единым вопросом или словом не намекнула она о перемене, происшедшей в моей службе, хотя при назначении товарищем министра она выразила мне свое особенное удовольствие и надежду, что я останусь в составе высшего управления. Впрочем, из любезного ее ко мне отношения я мог заметить, что она по-прежнему ко мне расположена. Это побудило меня сказать ей, что так как теперь у меня много свободного времени, то я прошу ее располагать мною, и что ежели она признает меня на что-нибудь годным, то я готов ей служить. Она с живостью поняла мой намек, благодарила и сказала, что воспользуется моим предложением, потому что она в былое время несколько раз жаловалась мне, что ей трудно найти людей для заведования и управления разными благотворительными заведениями, в ее ведении состоящими, и сожалела, что я слишком занят по другими делами. Однажды даже она призыва-

* Здесь: близок к истине.

ла меня, чтобы дать ей совет, кого бы назначить, чтобы заведовать Гатчинским институтом, так как граф Ламздорф вследствие каких-то неприятностей отказывается от дальнейшего заведования, а принц Ольденбургский предлагал ей на это место генерала Языкова — директора Училища правоведения, о котором она не имела высокого мнения. Я вообще не думаю, чтобы люди, участвовавшие в реформах первого периода царствования, были ею также заподозрены, как они заподозрены во мнении государя. Она сама в этот период имела все более влияния на государя, более интересовалась делами, чем теперь. Она стоит совершенно в стороне, и на дела семейные даже имеет, по-видимому, очень мало влияния.

Россия ее совершенно не знает, хотя она более русская, чем все, ее окружающие. Она отлично говорит по-русски, и не только усвоила язык русский, но замечательно ясно понимает особенности нашей жизни. В этом помогает ей искреннее православное убеждение. Я имел неоднократный случай удивляться ее верному чутью и пониманию многих вещей, редко доступных пониманию иностранцев. Два года, почти ежедневно, в течение вечеров я читал ей всегда русские литературные произведения и могу положительно сказать, что мало знаю русских женщин, которые так ясно и верно понимали тонкие стороны читанного.

12-го декабря. Завтра я еду в Москву. Получив 9-го известие о внезапной кончине Алексея Александровича Лопухина, я не мог поспеть на похороны, но хочу повидать бедную сестру, которая уже почти год постоянно при смерти больна, и этот окончательный удар, вероятно, поразил ее. Из Москвы намерен заехать в Саратовскую губернию, в имение, где умер управляющий и нужно посмотреть на хозяйство. Уже несколько дней говорят о серьезной болезни наследника, а сегодня положительно сделалось известным, что у него тиф. Говорят, завтра начнут печатать бюллетени. В городе тоже носят достоверные слухи о том, что английское правительство прислало нам весьма резкую и сильную ноту, протестуя против намерения нашего идти на Хиву. Этого никак нельзя было ожидать, ибо в последнее время Англия как будто совершенно не только успокоилась насчет действий наших в Малой Азии^д, но даже пришла к убеждению, что интересы наши на Дальнем Востоке тождественны. С чего вдруг подымается эта буря — неизвестно. Не может быть, чтобы Англия одна решилась бы на подобный протест. Тут Бисмарк непременно втихомолку действует. Говорят, на днях едет в Лондон с особым поручением граф Шувалов, который, по-видимому, делается делателем по всем частям. Эта поездка или действительно имеет значение, или устроена самим Шуваловым для получения министра иностранных дел.

Горчаков несколько раз говорил мне, что Шувалов метит на его место, но я этому не верил. Как бы то ни было, но, по-видимому, дела усложняются, и ежели Бисмарк действительно тут участвует, то быть беде. Ибо для Пруссии самое теперь удобное время вступить с нами в бой. Он лучше нас знает, как мы мало

^д Так в тексте.

готовы к войне. Франция теперь не в состоянии оказать нам никакой помощи, а Австрия будет против нас, заодно с Пруссией. Сохрани нас Бог от подобной беды, но самая важность ее не охладит ли нас от безрассудной любви к Пруссии?

31-го декабря. В самый день Рождества Христова воротился я в Петербург. В Москве пробыл я два дня, видел бедную сестру Лопухину, с изумительной силой переносящую горе. Здоровье ее хотя еще в самом жалком положении, но, благодаря Богу, не ухудшилось. В Москве застал я полный санный путь, а в Саратовской губернии, где со станции Ртищевой сели в сани, нашел прекрасный зимний путь при порядочном морозе. В деревне и Пензе пробыл двое суток и тем же путем вернулся в Петербург, где опять нашел совершенное отсутствие снега и погоду осеннюю, которая продолжается до сих пор, к великому всех неудовольствию. Я не запомню такой гнилой зимы — говорят, сегодня Нева местами разлилась. Все это как-то необыкновенно и предвещает что-то недоброе. К счастью, здоровье наследника видимо поправляется, и уже теперь нет никакой опасности. О цели поездки графа Шувалова в Лондон никто хорошенько ничего не знает, и в иностранных газетах о ней ничего не сказано.

Третьего дня получено здесь известие о кончине Наполеона III. Он умер после операции извлечения камня. Так кончилась карьера этого необыкновенного человека, в течение последних 20-ти лет распорядившегося судьбою Европы. Постыдный конец его царствования представляется жестокой карою за все совершенные им неправды. Но Франция к нему несправедлива. После 20-ти лет небывалого почти могущества она пала, хотя и под державою Наполеона, но в ошибках последней войны не он один виноват, тогда как ему одному или его инициативе одолжена Франция 20-летним благоденствием. Со смертью его партия империалистов во Франции едва ли ослабеет. Сын его останется знаменем, около которого еще, может быть, с большею силою будут группироваться империалисты. Нам, русским, покойный император много причинил зла, но он в то же время был орудием Провидения и для многого хорошего, ибо без Крымской войны едва ли бы мы очнулись и стали бы на путь тех реформ, которыми преобразовалась Россия в настоящее царствование. Сегодня последний день 1872-го года. Для меня этот год будет памятен. В этот год я перешел за 50 лет своей жизни и, с назначением в члены Государственного совета, вступил уже и по кругу своей деятельности в разряд стариков.

Сегодня получил я от государственного секретаря уведомление, что именным высочайшим указом назначен я к присутствованию в Департамент законов. С этим назначением увеличится круг моей служебной деятельности. Не знаю, хватит ли у меня настолько благоразумия, чтобы подчиниться условиям необходимости и равнодушнее относиться к делу. Мы так радикально расходимся с председателем <Департамента> законов князем Урусовым в направлении и во всех взглядах на дело, что столкновения будут неизбежно. Сила же ни в каком случае не будет на моей стороне, я это вполне сознаю, тем не менее пробую действовать по совести и по крайнему своему разумению.